

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Мельников Е.С.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

*Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)*

Аннотация: Статья посвящена методикам преподавания отечественной литературы в вузе с включением не вошедших в школьную программу писателей и поэтов начала XX в.

Abstract: The article discusses the teaching methods of Russian literature and focuses on the little-known Russian writers and poets of the beginning of the XX century.

Ключевые слова: педагогика, журналистика, лингвосенсорика, Серебряный век, Волошин, Арцыбашев, телевидение

Keywords: pedagogy, journalism, linguosensorics, Silver age, Voloshin, Artsybashev, TV

Говоря о таком ярком фундаментальном явлении, как Серебряный век в русской литературе, нетрудно поддаться обманчивому впечатлению его доскональной изученности. Кажется, будто ещё со школы каждый из нас знает имена десятков оригинальных и самобытных поэтов, распалывших своими стихами бессмертное пламя в сердцах современников.

Между тем, практика преподавания отечественной литературы в современных российских университетах показывает, что студентам, как правило, известны лишь самые «популярные» авторы, заявившие о себе в конце XIX – начале XX века. Все помнят Марину Цветаеву, Александра Блока, Анну Ахматову, Валерия Брюсова, Константина Бальмонта, Сергея Есенина, Осипа Мандельштама.

Однако на именах, прекрасно известных студентам ещё по школьным учебникам, дело чаще всего и заканчивается. Даже о творчестве таких смелых, блистательных авторов, как Андрей Белый, Александр Вертинский и Николай Гумилёв, некоторым студентам известно только по кратким упоминаниям в энциклопедиях. А имена многих писателей и поэтов, широко обсуждаемых в литературоведческих кругах, современным студентам могут быть не знакомы вовсе.

Из общения со студентами первых курсов хорошо видно, что большинству из них ничего не говорят имена Веры Сергеевны Булич, Максимилиана Александровича Волошина, Михаила Алексеевича Кузмина. Забыта горькая, ностальгическая поэзия Анатолия Сергеевича Штейгера. Немногим больше помнят и о глубоком, философско-пророческом сборнике Владислава Фелициановича Ходасевича «Путём зерна», в котором он выразил своё восприятие революции и обозначил для России практически тот же путь, о котором говорил в своё время Волошин. И с каждым годом перечень этих «замолчанных» и «недооценённых» только растёт.

В связи с этим особенно важным – а подчас даже необходимым – становится включение в литературоведческие программы творчества авторов, которые были преданы современностью незаслуженному забвению. Речь, безусловно, идёт не только о поэтах: достаточно вспомнить сенсационный роман Михаила Арцыбашева «Санин», который в 1907 году вызвал у читающего сообщества чрезвычайно живую реакцию и на короткое время даже породил молодёжное движение «санинцев». Однако сегодня практически не вспоминают и о нём.

Говорить о таких авторах в наше время следует хотя бы потому, что интересы читающей молодёжи изменились совсем не так сильно, как может показаться на первый взгляд. Тем студентам, которые услышали о романе Арцыбашева уже в университете, «Санин», как правило, кажется удивительно современным произведением, резонирующим с их собственным мироощущением. Их привлекает смелый герой, предпочитающий личное мнение ветхим традициям и устоям. Им нравится его речь, его поведение в обществе, его снисходительная доброта к близким людям, мудрая афористичность взглядов.

Схожим образом обстоит ситуация со стихами-посланиями Александра Вертинского («Femme raffinee», «Бал Господен», «Бар-девочка» и другими). Многие из современных студентов не слышали ни о самом авторе, ни о том ярком, своеобразном стиле, в котором он создаёт свои стихотворные письма – однако лёгкость его поэтической речи и смысловая нагрузка произведений кажется многим студентам близкими, увлекательными, родными.

В этой связи чрезвычайно значимым представляется разговор о революционной поэзии Максимилиана Александровича Волошина – одного из тех самых «полузабытых», «замолчанных» авторов. Кризисную ситуацию начала двадцатого века М. А. Волошин в свойственной ему мистико-религиозной манере называет бесовским

маскарадом и фальшью. Для М. А. Волошина революция была не политическим противостоянием идеологий и партий, а иррациональным бунтом революционных ячеек против моральных традиций собственного народа.

В сущности, анархистов и революционеров Волошин именует не иначе как «бесами», напрямую заимствуя это слово у Фёдора Михайловича Достоевского. О связи Волошина с Достоевским можно говорить долго и продуктивно (недаром в 1905 году М. А. Волошин оставляет в своём дневнике весьма характерную запись: «...в конце концов, единственное, что соединяет меня с Россией, — это Достоевский. Может быть, потому что я его дольше всего отражал в себе» [1. С. 207]), но важно отметить сам факт идейного схождения в отношении обоих авторов к нигилистам и революционерам.

В своей знаменитой лекции «Россия распятая» Волошин уподобляет современную ему русскую революцию болотной трясине, прибавляя к этому вывод о религиозных основах нового смутного времени. По мнению М. А. Волошина, революционеры жаждут не столько политической, сколько духовной анархии. Для Волошина это и становится революцией, о которой говорил П.Б. Струве – революцией как «освобождением <...> психики от всяких нравственных сдержек» [2. С. 516]. В глазах Волошина, не победа новых властей над увядающим монархизмом интересует революционеров, но сам отказ от христианских устоев, от духовной жизни.

Бесы двадцатого века, по мысли поэта, не просто отворачиваются от веры – они пытаются перебороть, убить её в себе подобно безбожникам, распявшим Христа. В этом желании они заходят так далеко, что называют революцию спасением для народа, приписывая себе главную роль в духовном преобразовании народа.

Для Волошина революция становится путём распятия русского народа. Подобно Владиславу Ходасевичу, высказавшему в своём сборнике «Путём зерна» мысль о возрождении России после её распятия, Волошин склонен считать революцию муками перерождения. За физическим крахом России следует её духовное воскрешение.

Исторический путь России в начале двадцатого века у М.А. Волошина получает следующее осмысление. Подобно тому, как гибель Спасителя на Голгофском кресте сменяется его новой, божественной жизнью и зарождением великой веры, гибель России в революционном огне также должна вдохнуть новые силы в

утраченную русским народом веру. Гражданская война пропитана бесовскими страстями, но эти страсти преодолимы.

В этом, по мысли Волошина, и заключается величайшее качество русской души. «Сравните её с душою других европейских рас, – предлагает поэт, – она отличается от них и глубиною своих эмоций, и напряжённостью совести, и остротой трагических противоречий» [цит. по 3].

Таким образом, говоря о кровавом, трагическом облике, который приняла современная ему революция, М.А. Волошин не придаёт ей решающего значения в судьбе России. Для него революция становится испытанием, преобразующим фактором, влияние которого нужно выдержать России, чтобы вернуть себе человеческое лицо.

Интересно отметить, что непосредственную точку опоры для преодоления революционной бесовщины Волошин видит в идеях подвижничества, монашеского искупления. Не раз на страницах своих произведений поэт обращается к образам протопopa Аввакума, Серафима Саровского, Сергия Радонежского и даже католического святого Франциска Ассизского («Протопop Аввакум», «Святой Серафим», «Святой Франциск» и другие стихотворения).

Волошина захватывает сама мысль о противостоянии истинной христианской веры, свойственной сильной исторической личности, и народа, одурманенного безверием. И в этом заключается один из самых важных нравственных тезисов, которые формулирует для себя Волошин. По его горячему убеждению, революционер может очистить свой разум от бесовских страстей и стать нравственно чище, если только обратится к истинной вере, искренне полюбит свой народ, а не самого себя.

В своём письме к А.М. Петровой Максимилиан Волошин оставляет такие строки: «В славянстве... христианство имеет тенденцию переноситься целиком в индивидуальное чувство и противопоставлять себя государству, как царству зверя. Поэтому в народовольцах и террористах не меньше христианства, чем в мучениках первых веков, несмотря на их атеизм» [4. С. 191-192].

Не об этом ли писал Ф.М. Достоевский, когда вкладывал в уста Дмитрия Карамазова слова: «Можно найти... в таком же каторжном и убийце человеческое сердце... и выбить, наконец, из вертепа на свет душу высокую, страдальческое сознание, возродить ангела, воскресить героя!» [5. X том. С. 91].

В этом идеологическом совпадении взглядов двух авторов интересно одно лексическое пересечение. Карамазов страстно говорит о возможности возродить в человеке ангела, то есть открыто выражает

свою уверенность в том, что человек есть не что иное, как ангел, утративший свою святость.

Этот взгляд близок и Максимилиану Волошину. Поэт видит в людях выродившихся ангелов и богов. Он искренне призывает людей не забывать о потенциальной святости каждого встречного человека, а в своём знаковом произведении «Поэту» говорит о необходимости «в каждом разбойнике» чтить «распятого в безднах Бога». Схожие утверждения оставляет он и в других стихотворениях: «В каждом Стеньке — святой Серафим» («Неопалимая купина»), «Ах, в самом косном и тёмном/ Пленён мировой дух!» («Из бездны»)

Едва ли следует удивляться тому, что в письме к А. М. Петровой от 4 октября 1917 года поэт приводит утверждение, восходящее ещё к философии французского писателя Леона Блуа: «Если бы по божественному соизволению мы смогли увидеть человеческую душу такой, как она есть, то мы погибли бы в то же мгновение, как если бы были брошены в пылающий горн вулкана... Первая попавшаяся душа — душа швейцара, душа судебного пристава испепелила бы нас» [б. с. 192].

Именно убеждённость в святом, божественном начале каждого человека, готовность в худшем из худших увидеть «распятого в безднах Бога» отличает мировоззрение Волошина от целого ряда других современных ему авторов, видевших в революционерах только преступников и дикарей. Максимилиан Волошин искренне верит в то, что у каждого революционера есть шанс на спасение, а что ещё важнее — шанс на присоединение к духовному подвижничеству истинных христиан. Человек, осознавший в себе бесовские страсти и преодолевший их любовью к русскому народу, может стать даже нравственно чище, чем был до присоединения к революции.

*Но ты уж знаешь в просветленьи,
Что правда Славы — в смиреньи,
В непротвлении раба... [цит. по 7]*

Такой вывод делает М. А. Волошин в стихотворении «Родина». То, что под «рабом» Волошин подразумевает искренне верующего человека, служителя Божьего, пояснять не приходится.

Мир художественного и публицистического творчества М.А. Волошина невероятно объёмен. Говорить о нём нужно долго и обстоятельно, и весьма прискорбным кажется то обстоятельство, что для многих студентов современных университетов неизвестным

остаётся как творчество, идеология, философия, так и само имя Максимилиана Александровича Волошина.

Опять же заметим, что Серебряный век необычайно богат на подобные имена. Список авторов, которых редко упоминают на занятиях по отечественной литературе, феноменально велик. А ведь творчество этих поэтов имело огромное влияние на современников: достаточно вспомнить хотя бы то, что среди известных лиц, признававших влияние Максимилиана Волошина, была хорошо известная студентам Марина Цветаева.

Кроме того, творчество Максимилиана Волошина и других поэтов, предаваемых понемногу забвению, обретает особую ценность в свете развития лингвосенсорики. И Максимилиан Волошин – только один из множества ярких поэтов, вводивших в свой текст предельно выразительные словесные описания цвета, звука и ощущений. В преподавании литературы для журналистов и тележурналистов были апробированы лингвосенсорные подходы согласно концепции Г.И. Губановой о привлечении лингвосенсорики в процесс преподавания в вузе и разработки проблемы эпитета как тропа, в оценке которого необходимо использовать дополнительный «принцип дифференциации в средствах речевой выразительности по признаку отношения к сенсорности» [8].

Яркий пример исследования визуально-сенсорного восприятия мира в произведениях коктельского поэта предлагает статья В. О. Коркишко «Поэтика цвета и света в творчестве М. Волошина», в которой автор справедливо отмечает: «...цвета у М. Волошина часто символизируют не предмет, событие, явление и т.д., а отношение к ним, передают определенную эмоцию <...> М. Волошин в своей поэзии использует различные изобразительно-выразительные средства, репрезентации цветообозначений: метонимического типа, сравнительного и синонимического, оксюморонного типов. Не все колоративы являются символами, однако изначально отличаются смысловой емкостью, оригинальностью, эмоциональностью» [9. С. 157, 159].

Вместе с тем, даже это исследование создаёт акцент преимущественно на визуальной стороне лингвосенсорики и практически не касается других лексем, передающих восприятие цвета, ощущения или звука. Произведения Волошина можно и нужно изучать в более широком лингвосенсорном ключе: такие исследования отечественному литературоведению просто необходимы.

Тема исследования недопонятых, замолчанных или откровенно забытых отечественных писателей и поэтов исключительно

многообразна и актуальна. Имена авторов, поднимавших на рубеже XIX и XX столетий важнейшие нравственные вопросы, до сих пор не утратившие своей остроты, необходимо воскрешать в памяти учащихся. Очевидно, что изучение творчества авторов, оставивших столь заметный след в русской литературе, должно представлять собой органичную часть системы образования.

Список литературы

1. Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 7. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2006.
2. Струве П. Б. Преступление и жертва. Кн. 10 // Русская мысль, 1911.
3. Лики творчества. – Л.: Наука, 1988 // Электронная библиотека Максима Мошкова. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/w/woloshin_m_a/text_0510.shtml (дата обращения: 05.03.2018).
4. Волошин М. А. Из литературного наследия. Вып. 2. – СПб.: 1999.
5. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1988-1996.
6. Время и мы. Вып. 27. Тель-Авив.: 1978.
7. Волошин М. А. Родина. // Электронная библиотека Слова: Серебряный век. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slova.org.ru/voloshin/rodyna> (дата обращения: 02.03.2018).
8. Губанова Г.И. Педагогическая методика развития творческой личности будущего журналиста (лингвосенсорный подход)//Вестник Оренбургского государственного университета № 6 (218), 31 августа 2018 г.
9. Коркишко В. О. «Поэтика цвета и света в творчестве М. Волошина» // Наукові записки Бердянського державного педагогічного університету. Випуск 8. – Бердянск, 2015.

Сушкова А.А., Карпов Э.С.

ЖУРНАЛИСТИКА ПУТЕШЕСТВИЙ КАК ОСНОВА МАТЕРИАЛОВ ЖАНРОВОГО ПЛАСТА ЖУРНАЛИСТИКИ

*Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)*

Аннотация: В данной статье рассматривается потребность, а также создание некоторых материалов после путешествий, основываясь на увиденном и прожитом. Детальное изучение и осознание того, как